

МОНГОЛЬСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ 1221 ГОДА

Первые упоминания монголов в латинских источниках появляются в 1221 году. В представлении авторов этих источников, армия монголов, осуществившая ряд завоеваний в Средней Азии, Персии и Закавказье, состояла из крещеных кочевников и возглавлялась неким Давидом, “царем Индий”, главным стремлением которого было прийти на помощь христианам Ближнего Востока и “освободить” Иерусалим от мусульманского правления. Несомненно, под свершениями “царя Давида” латинские источники понимали первую западную кампанию монголов во главе с Чингисханом, которая началась в 1219 году и была направлена против среднеазиатского султаната Хорезма. К моменту написания упомянутых латинских источников войска Чингисхана завоевали хорезмийские территории в Средней Азии и приступили к военным действиям в Хорасане; тогда как отдельные подразделения монголов во главе с Джебе и Субедеем вторглись в Закавказье и нанесли первое серьезное поражение христианскому королевству Грузии.

Несмотря на то что более поздние ориентальные источники указывают на определенное присутствие крещеных кочевников в армии монголов; на данный момент доподлинно известно, что основная часть кочевников армии Чингисхана не придерживалась христианской религии, а подразделения монголов во главе с Джебе и Субедеем были направлены Чингисханом на запад в погоню за бывшим хорезмийским султаном Мухаммедом, а не для “освобождения” Иерусалима или предоставления какой-либо ощутимой поддержки ближневосточным христианам.

Таким образом, ранние латинские сведения о монголах содержат сравнительно точное описание западных завоеваний Чингисхана, но представляют специфичное объяснение причин монгольской экспансии, которое не соответствует исторической действительности.

Настоящая статья представляет собой попытку объяснения этого искажения действительности. В первой части статьи автор приводит короткое описание латинских источников, содержащих сведения о наступлении на запад “царя Давида”. Во второй части автор пытается найти объяснение искажению исторической действительности в латинских источниках, рассматривая сведения этих источников в идеологическом контексте V Крестового похода.

Сведения о наступлении “царя Давида”

V Крестовый поход (1217–1221) совпал с повышением оптимизма христианства по отношению к назревающему триумфу над исламом. Уже в своей энциклике *Quia maior* 1213 года, адресованной потенциальным участникам Крестового похода, папа Иннокентий III сопоставлял апокалиптическую голову зверя с мусульманской религией и интерпретировал ее число 666 как количество лет, уготованных ее существованию. В связи с констатацией со стороны понтифика завершения 600-летнего периода с момента появления ислама Иннокентий III представлял приближающуюся гибель мусульманской религии в качестве дополнительного побуждения к участию

в Крестовом походе [Jackson 2005, 13; Richard 1996, 306; Powell 1986, 18; Burns 1971, 1391; Southern 1962, 42, *nota* 10].

Не меньший энтузиазм вызвало и содержание пророчеств, предоставленных крестоносцам в Египте восточными христианами. Так, в начале 1220 года, в атмосфере уныния в христианском лагере в связи с возвращением значительной части крестоносцев на родину [Powell 1986, 179], папский легат Пелагий¹ стал обладателем “сарацинского” пророчества с обнадеживающим содержанием. В данном случае речь шла о пророчестве, приписываемом Ханнану, сыну Агапа или, точнее, Исхака, под которым имелся в виду Хунайн ибн Исхак, несторианский медик и знаменитый переводчик греческих текстов на сирийский язык, умерший в Самарре в 873 году [Claverie 2013, 61; Pelliot 1996, 117–123; Richard 1996, 314; Hamilton 1996, 243–244; Klopprogge 1993, 136–137; Powell 1986, 161; Bezzola 1974, 13–14]. В действительности пророчество Ханнана было подделано восточными христианами при возможном соучастии самого легата, если принять всерьез подозрения Игоря де Рахевилц [Rachewiltz 1971, 40]. Как бы то ни было, Пелагий не преминул оповестить крестоносцев о содержании пророчества, и в особенности о той ее части, которая предвещала неминуемое поражение мусульман в связи с победоносным наступлением некоего могущественного правителя христиан и параллельным нападением на Мекку правителя абиссинских христиан [Whalen 2009, 154–155; Hamilton 1996, 243; Richard 1996, 314; Bezzola 1974, 13–14].

Достоверность пророчества вскоре подтвердилась с идентификацией первого правителя христиан, упомянутого в пророчестве, личность которого стала сопоставляться с правителем грузин Георгием IV Лашой, пообещавшим легату незамедлительно начать военные действия против султана Дамаска [Казарян 2011; Whalen 2009, 154–155; Richard 1998, 53–54; Hamilton 1996, 244; Bezzola 1974, 18; Хенниг 1961, III, 31].

При схожих обстоятельствах было раскрыто новое пророчество в самом начале 1221 года, которое Жак де Витри называет “Откровениями святого апостола Петра, собранными в одной книге его учеником Климентом” [Jacques de Vitry 1998, 200–201; Huygens 1960, 152], а Оливер из Падерборна именуется сокращенно “Книгой Климента” [Hoogeweg 1894, 258; Eckhart 1723, II, 1428]. В отличие от первого пророчества Ханнана, этот текст не был написан специально для латинской аудитории, но представлял одну из версий новой редакции Апокалипсиса, циркулировавшей в XIII веке среди христианских кругов Ближнего Востока [Claverie 2013, 61; Pelliot 1996, 130–131, 135; Hamilton 1996, 246; Klopprogge 1993, 136–137; Bezzola 1974, 14, 18–20]. Как и в предыдущем случае, “Книга Климента” предвещала прибытие армий могущественных правителей, один из которых должен был прибыть на Ближний Восток с запада, а другой – с востока. Если в начале 1221 года легат Пелагий мог сопоставлять западного правителя все с тем же грузинским королем, от которого он настоятельно требовал начала военных действий против мусульман [Zarncke 1877, 612], то начиная с марта того же года под западным правителем “Книги Климента” стал подразумеваться недавно избранный император Священной Римской империи, что было связано с поступлением обнадеживающих известий о намерении Фридриха II Гогенштауфена лично принять участие в военных действиях в Египте [Claverie 2013, 74; Lock 2006, 93; Powell 1986, 184; Van Cleve 1972, 132–133, 135].

Личность второго, восточного правителя раскрылась через несколько недель после появления “Книги Климента” в связи с поступлением слухов о продвижении на запад непобедимой армии “царя Давида” [Zarncke 1877, 612], подтвержденных впоследствии тремя отчетами, которые были предоставлены антиохийскому принцу Бозмунду IV.

Несмотря на очевидные несоответствия в этих отчетах, они, несомненно, основывались на одном оригинальном тексте: авторы отчетов добавляли или опускали

некоторые подробности по своему усмотрению, но сохранили структуру оригинального текста в первоначальном виде [Richard 2005, 31; Richard 1996, 140; Richard 1957, 233, *nota* б]. Ряд подробностей, содержащихся в отчетах, указывает на то, что автор оригинального текста был несторианином, по всей видимости проживавшим в Багдаде. Так, анонимный христианский автор текста утверждает, что главным инициатором западного военного похода “царя Давида” был несторианский патриарх, пребывавший в Багдаде [Huysgens 1960, 144–145]. Одновременно автор указывает на относительно дружественные отношения патриарха с халифом (деталь, показывающая, что изначально текст был написан не для латинской аудитории). К тому же в некоторых сохранившихся манускриптах автор представляет, очевидно, несторианское обоснование конфликта “царя Давида” с грузинами, называя их еретиками, то есть восточными христианами, принявшими халкидонское вероисповедание [Zarncke 1876, 54; Jackson 2005, 48; Richard 1996, 143, 146; Bezzola 1974, 16; Rachewiltz 1971, 40].

На данный момент известны следующие переводы или упоминания отчетов о “царе Давиде”:

1. Несохранившийся доклад легата Пелагия, отправленный в папскую курию в январе – феврале 1221 года и известный по циркулярному письму папы Гонория III от 13 марта 1221 года. Текст этого циркулярного письма понтифика известен по копиям в так называемом “манускрипте Ромерсдорфа”, в “Анналах Данстейбла” и в “Хронике” Альберика де Труа-Фонтен [Zarncke 1877, 612–613; Luard 1866, 66–67; Scheffer-Boichorst 1874, 911]. Это письмо папы содержит самое первое упоминание хорезмийской кампании Чингисхана. В нем еще не упоминается нападение монголов на грузинское королевство.

2. Параллельное послание ближневосточных тамплиеров, известное только по фрагменту из “Хроники” Альберика де Труа-Фонтен [Scheffer-Boichorst 1874, 911].

3. Латинский перевод первого несторианского отчета, содержащийся в седьмом послании архиепископа Акры, Жака де Витри, и именуемый “Историей деяний Давида, царя Индий” [Richard 2005, 41–51; Jacques de Vitry 1998, 177–191; Huysgens 1960, 141–148; Zarncke 1876, 45–56; Giles 1846, 48–55]. По словам Жака де Витри, данный отчет был доставлен принцу Антиохии Боэмунду IV его шпионами из мусульманских стран и переведен с арабского языка на латынь [Huysgens 1960, 149]. Само послание Жака де Витри датируется 18 апреля 1221 года, однако отчет мог попасть в Антиохию несколько раньше, но не ранее февраля 1221 года [Jacques de Vitry 1998, 12; Klopprogge 1993, 136–137; Huysgens 1960, 54–55].

4. Этот же отчет был включен во второе послание легата Пелагия, направленное в Европу между февралем – апрелем 1221 года [Klopprogge 1993, 136–137; Huysgens 1960, 60–62; Luard 1866, *xvii*, 69–74].

5. Латинский перевод второго несторианского отчета, содержащийся в седьмом послании Жака де Витри и следующий за первым отчетом [Richard 2005, 52–54; Jacques de Vitry 1998, 192–195; Huysgens 1960, 148–149; Zarncke 1876, 57–58; Giles 1846, 55–57]. По словам Жака де Витри, данный отчет был доставлен восточными купцами одновременно с первым отчетом [Huysgens 1960, 149]. Второй отчет содержит краткий пересказ завоеваний, упомянутых в “Истории деяний Давида”, но содержит и ряд упоминаний ценных коммерческих товаров, поставляемых с Востока [Richard 2005, 31; Richard 1996, 140; Richard 1957, 233, *nota* б]. Эти подробности отсутствуют в “Истории деяний Давида”.

6. Латинский перевод третьего несторианского отчета. Данный перевод содержался в письме двух каноников кафедрального собора Мюнстера, принявших участие в Крестовом походе. В свою очередь, копия письма каноников сохранилась в двух манускриптах, содержащих различия в начальной части письма [Richard 2005, 54–56; Zarncke 1877, 613–614; Zarncke 1876, 58–59]. К сожалению, каноники

Мюнстера не сообщают, каким образом они стали обладателями перевода этого отчета, и остается только предположить, что третий несторианский отчет попал в Антиохию вместе с двумя предыдущими. Третий несторианский отчет имеет очевидные сходства со вторым отчетом, включенным Жаком де Витри в свое послание, но содержит несколько дополнительных деталей: упоминание родственной связи между “царем Давидом” и пресвитером Иоанном [Zarncke 1876, 58] и указание на присутствие нехристиан в армии Давида [Zarncke 1877, 614; Zarncke 1876, 58–59].

7. Упоминание несторианских отчетов в “Дамиаттинской истории” Оливера из Падерборна [Hoogeweg 1894, 258–259; Eckhart 1723, II, 1427–1428].

Среди упомянутых отчетов, наиболее подробным является первый отчет, приводимый Жаком де Витри [Huugens 1960, 141–148], рассмотрению которого следует уделить отдельное внимание.

В начале своей “Истории деяний Давида” несторианский автор представляет царя Израиля, отца главного героя повествования, в качестве данника некоего Хан-и-ханана (Chancana), правителя земель между Кашгаром и Баласагуном, под которым легко угадывается Елюй Джулху, последний гурхан каракитаев [Huugens 1960, 141; Richard 2005, 32; Richard 1996, 140–141]. После описания чудесного спасения Давида от коварных происков Хан-и-ханана [Huugens 1960, 141–143] автор “Истории” сообщает об избрании Давида правителем его земли, которую третий несторианский доклад именуется землей Сило [Huugens 1960, 143; Zarncke 1876, 58]. Затем несторианский автор переходит к описанию победоносной военной кампании Давида против Хан-и-ханана и перечисляет земли поверженного гурхана, завоеванные главным героем повествования [Huugens 1960, 143–144]. Перечисление этих завоеваний указывает на то, что автор “Истории” понимает под “царем Давидом” найманского хана Кучлука, ставшего действительным правителем империи каракитаев после пленения гурхана в 1211 году. Несторианский автор приписывает победу Кучлука могуществу его армии, забывая, однако, упомянуть, что в действительности Кучлук смог осуществить государственный переворот в империи каракитаев благодаря значительному ослаблению военного потенциала гурхана после крупного поражения его войск в битве с хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммедом II, имевшей место в Иламышской степи в сентябре 1210 года [Pubblici 2007, 72; Richard 2005, 33, 44, nota 5; Jackson 2005, 38; Rachewiltz 2004, 699; Biran 2001, 46; Буниятов 1999, 50–51; Morgan 1996, 160; Sinor 1995, 262; Bosworth 1968, 193–194].

Далее “История” сообщает о завоевании Давидом территорий гуридского султана [Huugens 1960, 144], осуществленных в действительности хорезмшахом Мухаммедом к 1215 году [Richard 2005, 27, 36, 44, nota 7; Bosworth 1968, 166]. Однако вполне возможно, что несторианский автор намеренно приписывает эти завоевания Давиду, сопоставляя их с победой бывшего гурхана каракитаев над войсками гуридского султана Шихаб ад-Дина ал-Гури, имевшей место в 1204 году [Буниятов 1999, 45; Jackson 1997, 429–430; Morgan 1996, 160; Bosworth 1968, 165; Бартольд 1963–1977, I, 413–415].

После этого, неожиданно оставив в стороне главного героя повествования, “История” сообщает подробности победоносного рейда хорезмшаха Мухаммеда 1217 года в Иране и Ираке и о его намерении захватить Багдад [Huugens 1960, 144], чтобы перейти к описанию тайных переговоров между аббасидским халифом и несторианским патриархом. По словам автора, несторианский патриарх, побуждаемый халифом, послал свое повеление Давиду, которое содержало требование начать военные действия в тылу хорезмшаха, чтобы спасти аббасидскую столицу от неминуемого разорения [Huugens 1960, 144–145]. Данное указание на центральную роль несторианского патриарха в развязывании будущего конфликта между монголами и Хорезмом является важнейшим доказательством того, что автором доклада был несторианин, видимо проживавший в Багдаде [Jackson 2005, 48; Richard 1996, 143].

Без сомнения, утверждение о непосредственном влиянии католикоса на развязывание конфликта между Чингисханом и хорезмшахом нужно признать как намеренное искажение действительности. Вполне вероятно, однако, что описание диалога между багдадским халифом и католикосом является отражением не совсем чистой дипломатической деятельности халифа ан-Насира. Будучи непримиримым врагом хорезмшаха, ан-Насир смог успешно спровоцировать конфликт между хорезмшахом и гуридским султаном, в чем хорезмшах смог убедиться лично, получив доступ к дипломатической переписке Гуридов после взятия Газны в 1215 году. Более того, в письмах ан-Насира, содержащих подстрекательства против хорезмшаха, Ала ад-Дин Мухаммед II обнаружил свидетельства того, что халиф планировал создание военного союза между Гуридами и “язычниками” каракитаями [Буниятов 1999, 55; Richard 1996, 143; Bosworth 1968, 165, 168, 184; Бартольд 1963–1977, I, 416].

Эти свидетельства стремления халифа уничтожить своего политического противника любой ценой послужили основой для утверждений Ибн ал-Асира и других арабских хронистов о том, что ан-Насир находился в тайной переписке с Чингисханом и являлся инициатором хорезмийской кампании монголов [Буниятов 1999, 85–86; Richard 1996, 143; Göckenjan 1988, 112; Буниятов 1978, 67–68; Bosworth 1968, 168].

Далее автор сообщает о поражении хорезмшаха в битве с войсками Давида и повествует о дальнейших завоеваниях армии “восточных христиан”, не отдавая себе отчета в том, что к моменту начала конфликта между Чингисханом и хорезмшахом хана Кучлука уже не было в живых [Richard 2005, 33–34; Jackson 2005, 38; Rache-wiltz 2004, 699; Буниятов 1999, 82; Sinor 1995, 262; Roux 1993, 177–178]. Поэтому дальнейшие завоевания, осуществленные в действительности монголами, представляются как свершения того же “царя Давида” во имя христианской религии [Huynens 1960, 146–147].

В числе действительных и воображаемых завоеваний “царя Давида” автор упоминает нападение монголов на земли грузин. Это указание отсутствовало в первом докладе Пелагия [Zarncke 1877, 612–613], поскольку папский легат, очевидно, еще не получил сведений о первом поражении грузинского королевства от монголов. Первое крупное столкновение грузинских войск с монголами имело место между декабром 1220-го и февралем 1221 года. Сражение имело место либо в долине реки Котман, либо у реки Гардман, правого притока реки Шамхор-чай, которая впадает в Куру [Dashdondog 2012, 54–56; Pogossian 2012, 171; Lane 2009, 124–126; Publici 2007, 125; Göckenjan 1988, 112; Allsen 1987–1991, 11; Bedrosian 1979, 94–95, 98; Буниятов 1978, 64–65; Bezzola 1974, 18; Boyle 1968, 310–311; Bretschneider 1967, I, 294]. Несторианский автор объясняет нападение “царя Давида” на Грузию тем, что грузины заключили союз с сарацинами [Huynens 1960, 147]. Перед тем как начать военные действия с монголами, грузинский король Георгий IV Лаша заключил военный союз с атабеком Тебриза Узбеком и султаном Хилата и Джазиры ал-Малик ал-Ашрафом, что, по-видимому, вызвало порицание со стороны несторианского автора данного сообщения.

По окончании изложения перевода “Истории” Жак де Витри прибавляет свежие известия с Востока, полученные, по всей видимости, вместе с прибытием в Антиохию католических пленников, освобожденных халифом в Багдаде в угоду “царю Давиду” [Huynens 1960, 147–150; Richard 2005, 51; Hoogeweg 1894, 259; Zarncke 1876, 56]. Согласно этому сообщению, монголы разорили Казвин после того, как его жители подняли восстание и убили представителя монгольской власти. Однако в данном случае автор этого сообщения ошибается, путая Казвин с Хамаданом.

Монголы подошли к Хамадану осенью 1220 года и приняли добровольную капитуляцию от его правителя Саида Мажд ад-Дина Ала ал’-Даулы, оставив в городе шахну, то есть представителя монгольской власти. Далее монголы двинулись на Казвин, где, в отличие от Хамадана, они встретили ожесточенное сопротивление и

взяли город штурмом. После этого тумены Субедея и Джебе удалились в Азербайджан [Lane 2009, 124–126; May 2007, 121; Boyle 1968, 310–311; Bretschneider 1967, I, 294, II, 111].

Поэтому очевидно, что автор данного сообщения путает Казвин с Хамаданом [Richard 2005, 38], поскольку именно жители Хамадана, не пострадавшие во время первого появления монголов, подняли восстание после их удаления и убили монгольского шахну. Репрессии монголов не заставили себя долго ждать: тумены Субедея и Джебе вернулись на юг после разгрома грузинских войск и взяли штурмом Хамадан незадолго до написания письма, то есть до 18 апреля 1221 года [Lane 2009, 124–126; Pubblici 2007, 125; Allsen 1987–1991, 11; Richard 1996, 145; Bedrosian 1979, 98; Буниятов 1978, 65; Boyle 1968, 310–311; Bretschneider 1967, I, 294].

Несмотря на ошибку в названии города, данное сообщение имеет важное значение для уточнения даты завоевания Хамадана, опровергая встречающиеся в современных исследованиях утверждения о том, что штурм Хамадана имел место в августе или сентябре 1221 года [Dashdondog 2012, 56; Tvaradze 2012, 258–259, 272].

Суммируя, можно сказать, что несторианские отчеты представляют собой ценнейший источник по хорезмийской кампании монголов, принимая во внимание раннюю дату их написания. В свою очередь, появление переводов этих отчетов в лагере крестоносцев в Дамиетте имело непосредственное влияние на ход V Крестового похода. По словам Жака де Витри, узнав о наступлении “царя Давида” на Ближнем Востоке параллельно с обнадеживающими известиями о грядущем прибытии в Египет императора Фридриха II, крестоносцы Дамиетты заметно воспрянули духом [Huysgens 1960, 147]. Под влиянием этих отчетов и после прибытия подкреплений баварского герцога Людвига I папский легат Пелагий принял судьбоносное решение о наступлении на Каир, которое привело к полному разгрому крестоносцев в августе 1221 года и окончанию V Крестового похода [Powell 1986, 185; Zarncke 1876, 9; Holder-Egger 1882, 467–468; Ex Chronico Turonensi 1822, 300–301].

Следует отметить, что иллюзия латинских авторов о принадлежности монголов к христианской религии разделялась и восточными христианами. В своих письмах, адресованных папе Гонорию III в 1223 году, грузинская королева Русудан и амир-спасалар Иванэ Мхаргрдзели подчеркивали, что они не готовились к нападению монголов, думая, что те были христианами [Pertz, Rodenberg 1883, 178–180, no. 251–252; Raynaldus et al. 1864–1883, XX, a. 1224 xvii–xx, 483–484; Klopprogge 1993, 158–159]. Оба письма содержали преувеличенные утверждения о последующей победе над монголами, несмотря на то что в действительности грузинские войска понесли два серьезных поражения [Dashdondog 2012, 48, 50, 54–56; Pogossian 2012, 171; Lane 2009, 124–126; Pubblici 2007, 125; Göckenjan 1988, 112; Allsen 1987–1991, 11; Bedrosian 1979, 94–95, 98; Буниятов 1978, 64–65; Bezzola 1974, 18; Boyle 1968, 310–311; Bretschneider 1967, I, 294], но благодаря этим посланиям Римская курия получила убедительные сведения, опровергающие прежние утверждения отчетов о “царе Давиде”. Сомнения в достоверности этих отчетов проявляются в “Турской хронике” [Holder-Egger 1882, 467–468; Ex Chronico Turonensi 1822, 300–301] и наиболее отчетливо выражаются в более позднем докладе о битве на Калке в “Хронике” Альберика де Труа-Фонтен, содержащем предположение о том, что монголы могли быть язычниками [Scheffer-Boichorst 1874, 911; Richard 1996, 148].

Вероятно, эти сомнения появляются именно после получения писем из Грузии, поскольку параллельные отчеты о битве на Калке, написанные в тот же год, что и послания грузинских правителей [Garufi 1938, 110–111; Wattenbach 1851, 623–624], продолжают представлять монголов в соответствии с их описанием в отчетах о “царе Давиде”, включая и упоминание приписываемого монголам обычая помещать изображение креста на знаменах их боевых подразделений [ср.: Huysgens 1960, 146].

Таким образом, ранние латинские сведения о монголах содержат сравнительно точное описание западных завоеваний Чингисхана, но представляют специфичное объяснение причин монгольской экспансии, которое не соответствовало исторической действительности. Это искажение действительности требует короткого пояснения.

Причины искажения реальности

Наиболее очевидным объяснением данного феномена представляются следующие соображения. Во-первых, латинские авторы предполагали существование некоего сильного христианского государства на Востоке уже начиная с XII века в связи с распространением в Европе слухов о царстве пресвитера Иоанна, нанесшего поражения “царям Персии и Мидии” во имя торжества христианской религии [Richard 2005, 21–22; Lerner 1999, 10; Phillips 1998, 60; Хенниг 1961, II, 441, 449]. Поэтому всякое известие о победах немусульманского правителя с Востока над исламскими государствами автоматически сопоставляло этого правителя с пресвитером Иоанном и неизменно представляло его как христианского правителя и потенциального союзника католического мира.

Во-вторых, латинские авторы почерпнули изначальные сведения о монголах из несторианских источников. Данное указание приводит к предположению, что несторианские авторы докладов о событиях на Востоке намеренно предоставляли своим латинским коллегам фальсифицированные сведения о монголах, руководствуясь теми же особыми и неизвестными в настоящем мотивами, как и когда они доводили до сведения духовных руководителей V Крестового похода содержание древних пророчеств, предвещавших окончательную победу христиан над мусульманами.

Однако следует отметить, что латинские авторы относились с определенной критикой к несторианским сведениям с Востока. Так, Жак де Витри, принимавший на веру пророчества, предшествовавшие докладом о завоеваниях монголов, относился с определенным сомнением к утверждению о родстве “царя Давида” с пресвитером Иоанном [Huynens 1960, 141, 150–152; Richard 1996, 147]. Латинские авторы вполне могли отдавать себе отчет в том, что сведения, предоставленные несторианами, не обязательно соответствовали действительности. Однако они принимали на веру ту часть сведений, которая отвечала их ожиданиям и не вызвала, по их мнению, сомнений в ее достоверности. В частности, Жак де Витри не только не подвергал сомнению сообщение о том, что “царь Давид” был христианским правителем, но и утверждал, что его войско целиком и полностью состояло из христиан [Huynens 1960, 141, 146]. Вероятно, изначальный несторианский источник предполагал наличие в армии Давида языческих воинов [ср.: Zarncke 1876, 58–59; Bezzola 1974, 18].

Поэтому несколько упрощенным кажется предположение о том, что латинские авторы рассматривали монголов христианским войском пресвитера Иоанна автоматически и только на том основании, что монголы вели войну против мусульманских правителей. Так, послание Жака де Витри не содержит и намека на осуждение монголов за нападение на христиан-грузин [Huynens 1960, 147]. И что важнее, Жак де Витри представляет монгольские завоевания на Востоке как закономерное следствие военных действий крестоносцев в Египте. По мнению Жака де Витри, монголы двинулись на запад, узнав о начале западного Крестового похода; и, в сущности, Жак де Витри воспринимал экспансию монголов как часть V Крестового похода.

Таким образом, латинские авторы принимали на веру сведения о “деяниях царя Давида” именно потому, что монгольские завоевания совпали с проведением V Крестового похода. Наступление “восточных христиан” отвечало ожиданиям их западных единомыслителей, поскольку оно соответствовало идеологии Крестового похода. И именно в идеологии V Крестового похода нужно искать объяснение раннему латинскому

восприятию монгольской экспансии. Поэтому здесь следует уделить определенное внимание рассмотрению идеологического фона V Крестового похода.

V Крестовый поход был порождением неустанной деятельности папы Иннокентия III, который, однако, стремился представить организацию военной кампании на Ближнем Востоке как отражение религиозных ожиданий всего католического мира. Поэтому сама резолюция о проведении Крестового похода была принята на IV Латеранском соборе, проходившем в Риме между 11 и 30 ноября 1215 года в присутствии основной части европейских прелатов. В проведении собора приняли участие около 400 архиепископов и епископов, 800 аббатов и множество теологов, глав кафедральных капитулов и религиозных орденов, а также представители главных светских правителей Европы. IV Латеранский собор по праву может быть назван первым действительно универсальным собором католического мира; и, таким образом, решение о начале Крестового похода, принятое на соборе единогласно, может рассматриваться как отражение религиозных устремлений всего латинского мира [Burns 2001, 537; Geary 1997, 421; Powell 1986, 41–42].

В отличие от предыдущих соборов, нововведением Иннокентия III было абсолютное отождествление моральной реформы католического сообщества с осуществлением Крестового похода. В своей инаугурационной речи, посвященной открытию собора, понтифик подчеркивал, что главной целью созыва собора было коллективное празднование трех видов Пасхи, то есть библейских исходов. По словам папы, основная часть западных прелатов собралась на соборе для празднования Пасхи Вечности в преддверии всеобъемлющего вступления христианства в предсказанную Святым Писанием эпоху Вечного Спасения. Далее Иннокентий III указывал на необходимость предварительного осуществления Светского Исхода, символизировавшего будущую военную кампанию на Ближнем Востоке; которой, однако, должна была предшествовать Духовная Пасха, воплощенная в церковной реформе [Whalen 2009, 129, 133, 146; Powell 1986, 16, 41–42].

Уже в энциклике *Vineam Domini* 1213 года, посланной будущим участникам собора, папа подчеркивал необходимость проведения церковной реформы для осуществления более эффективного Крестового похода. Однако важнее в этой энциклике было то, что понтифик рассматривал сам Крестовый поход как наиболее эффективный инструмент для осуществления моральной реформы христианского общества. Иннокентий III подчеркивал, что участие в планируемой ближневосточной кампании представляло собой наиболее действенный способ достижения вечного спасения для любого представителя католического сообщества. И именно поэтому в своей параллельной энциклике *Quia maior* понтифик адресовал призыв к немедленному изменению своего морального образа жизни всем потенциальным участникам Крестового похода [Whalen 2009, 129, 133, 146; Mastnak 2002, 136–137; Tyerman 2001, 133; Watt 1999, 120; Geary 1997, 443; Powell 1986, 19].

Крестовый поход более не воспринимался как исключительно военная кампания, но как одна из важнейших функций и обязанностей католической церкви во имя спасения христианского сообщества. Параллельно с мобилизацией материальных ресурсов для организации ближневосточной кампании на соборе было принято решение о тотальной моральной мобилизации всего христианского сообщества [Geary 1997, 443; Richard 1992, 255; Powell 1986, 63].

В свою очередь, всеобъемлющая моральная мобилизация католического сообщества предполагала незамедлительное прекращение военных конфликтов в Европе. Этой проблеме был посвящен отдельный канон Латеранского собора, содержащий предписание соблюдения универсального мира в Европе в течение 4 лет с момента провозглашения начала Крестового похода и подкрепленный угрозой отлучения от церкви и применения военной силы против всех нарушителей этого предписания [Mastnak 2002, 143; Geary 1997, 445; Powell 1986, 47, 68].

Несмотря на то что это предписание не имело решающего влияния на политическую ситуацию в Европе; его следствием было массовое принятие креста среди среднего слоя европейской знати. Программа умиротворения христианства, проводимая Апостольским престолом, предлагала средневековой аристократии альтернативную модель поведения, позволявшую применить свои милитарные способности на Ближнем Востоке в служении высшему идеалу христианства. Важно отметить, что большинство контингентов крестоносцев, принявших участие в последующих военных действиях в Египте, отправились в Крестовый поход из Европы после заключения мира со своими политическими противниками. И в ряде случаев обе враждующие стороны отправлялись на Ближний Восток одновременно, буквально перемещаясь с европейского поля боя на египетское. Повышенное число священников, принявших участие в V Крестовом походе, служило цели сдерживания военных конфликтов внутри лагеря крестоносцев. Однако в своих описаниях ближневосточной кампании религиозные деятели представляли европейскую армию в качестве войска покаявшихся христиан, впервые пришедших к согласию во имя высшей цели [Claverie 2013, 52; Powell 1986, 74–75, 77, 115, 128; Van Cleve 1972, 110–111].

Нет никаких оснований ставить под сомнение восприятие латинских хронистов V Крестового похода, поскольку западная армия, принявшая участие в ближневосточной кампании уже после смерти Иннокентия III, имела действительно интернациональный характер. Так как военные действия в Палестине венгерских крестоносцев во главе с королем Андреем II и дополнительных австрийских контингентов герцога Леопольда VI не принесли особенных результатов в конце 1217 года, с прибытием на Ближний Восток значительных подкреплений из Германии и Голландии весной 1218 года руководство христианской армии приняло решение перенести военные действия в Египет [Lock 2006, 92, 168; Powell 1986, 117, 123, 137; Van Cleve 1969, 388, 390–393]. Крестоносцы приступили к осаде Дамиетты в мае того же года, добившись значительных успехов благодаря дополнительным подкреплениям из Бургундии, прибывшим летом 1218 года. Осенью 1218 года армия крестоносцев пополнилась в связи с прибытием в Египет новых контингентов из Англии, Франции и Италии [Claverie 2013, 52; Lock 2006, 92–93, 168; Powell 1986, 117, 137, 144–145]. Параллельно со взятием Дамиетты 5 ноября 1219 года новые итальянские контингенты сменили ряд немецких и французских крестоносцев, вернувшихся на родину [Lock 2006, 92–93; Powell 1986, 117, 175; Van Cleve 1969, 411]. Летом 1220 года в Дамиетту прибыло значительное подкрепление из Северной Италии во главе с архиепископом Милана Маттео, и осенью того же года итальянские контингенты были существенно пополнены крестоносцами из Пульи [Powell 1986, 76–77, 117, 169, 177]. Начиная с мая 1221 года крестоносцы заметно активизировались благодаря прибытию в Египет герцога Баварии Людвига I в сопровождении 500 германских рыцарей, и осенью того же года в Египет прибыли итальянские и германские подкрепления, которые уже не смогли принять участие в военных действиях в связи с подписанием 10-летнего перемирия с египетским султаном [Claverie 2013, 62, 74; Barber, Bate 2010, 125, *nota* 2; Lock 2006, 93–94; Powell 1986, 76–77, 117, 184–185, 190]. Суммируя, можно сказать, что в V Крестовом походе приняли участие контингенты почти из всех регионов латинского мира.

Следует отметить, что Римская курия предприняла ряд попыток привлечения к участию в Крестовом походе и восточных христиан. Если переговоры папского легата Пелагия с никейским императором Феодором I Ласкарисом в 1214 году не принесли ощутимых результатов в связи с требованием Пелагия признания церковного союза с Римом [Claverie 2013, 13; Powell 1986, Hamilton 1996, 115], то переговоры с грузинским королем Георгием IV Лашой в 1220 году привели к заключению военного союза и появлению надежды среди крестоносцев на грядущую диверсионную операцию грузин против султаната Дамаска [Казарян 2011; Whalen 2009, 154–155;

Richard 1998, 53–54; Hamilton 1996, 244; Bezzola 1974, 18; Хенниг 1961, III, 31]. Не меньшим оптимизмом отличались отчеты Жака де Витри и Оливера из Падерборна о их проповедовании церковной унии в рамках Крестового похода среди ближневосточных христиан [Barber, Bate 2010, 108; Jacques de Vitry 2008, 38–39; Bird 2005, 26; Jacques de Vitry 1998, 72–73; Richard 1998, 36; Hamilton 1980, 348–349; Brincken 1973, 294]. Успех обоих проповедников среди местных монофизитов отразился в выражении уверенности о численном превосходстве азиатских христиан над мусульманами и в их желании способствовать военным путем успеху Крестового похода. В частности, Жак де Витри высказывал предположение о существовании сильного христианского войска на прежней территории пресвитера Иоанна, которое было готово прийти на помощь к своим западным единоверцам [Richard 2005, 29; Jackson 2005, 21; Jackson 2001, 95; Richard 1998, 8; Bezzola 1974, 21; Brincken 1973, 109–110; Soranzo 1930, 14].

Эта уверенность в намерении восточных христиан принять участие во всеобщем военном предприятии была закономерным следствием идеологии V Крестового похода, предполагавшей единение всех без исключения приверженцев христианской религии для осуществления наиболее эффективной военной кампании против мусульман. В свою очередь, получив сведения о приближении христианской армии “царя Давида”, латинские авторы не выражали сомнений в их достоверности, поскольку эта информация целиком и полностью соответствовала их ожиданиям.

¹ Летом 1217 года папа Гонорий III поручил бенедиктинцу Пелагию Гальвани духовное руководство V Крестовым походом, назначив его своим легатом на Ближнем Востоке. В сентябре 1218 года Пелагий прибыл в Акру в сопровождении итальянского контингента и поспешил присоединиться к войску крестоносцев в Египте, осаждавшему Дамиетту [Clavetie 2013, 46, 53; Lock 2006, 246–247]. Начиная с февраля 1219 года папский легат стал открыто претендовать на верховное руководство военными действиями, зачастую провоцируя раскол внутри войска крестоносцев. Несмотря на общую негативную оценку роли Пелагия со стороны историков, рассматривающих его стратегические решения как главную причину неудачи военной кампании в Египте, следует отметить и несомненное духовное влияние Пелагия на крестоносцев, способного поддерживать моральный дух христианской армии в самые трудные периоды кампании [Powell 1986, 160–161; Van Cleve 1969, 421].

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В. В. **Сочинения в 9 томах.** Москва, 1963–1977.
Буниятов З. М. **Государство Атабеков Азербайджана: 1136–1225 годы.** Баку, 1978.
Буниятов З. М. **Избранные сочинения в 3-х томах.** Том 3. **Государство хорезмшахов-ануштегинидов: 1097–1231 гг.** / Агаева Э. Р. и др. (ред.). Баку, 1999.
Казарян О. Крестоносцы и Грузия (XII–XIII вв.) // **Deusvult.ru.** 2011. – <http://deusvult.ru/66-krestonostsy-i-gruziya.html>
Хенниг Р. **Неведомые земли.** Тома 1–4 / Краснокутская Е. К., Райхштейн А. Д. (ред.). Москва, 1961.
Allsen T. T. **Mongols and North Caucasia** // **Archivum Eurasiae Medii Aevi.** Wiesbaden, 1987–1991. Vol. 7.
Barber M., Bate K. **Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th–13th centuries.** Farnham, UK; Burlington, VT, 2010.
Bedrosian R. **The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13th–14th centuries.** Ph. D. Dissertation. Columbia University, New York, 1979.
Bezzola G. A. **Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen.** Bern, 1974.
Biran M. “Like a Mighty Wall”: The Armies of the Qara Khitai // **Jerusalem Studies in Arabic and Islam.** Vol. 25. Jerusalem, 2001.

Bird J. L. Crusade and Conversion after the Fourth Lateran Council (1215): Oliver of Paderborn and James of Vitry's Missions to Muslims Reconsidered // **Essays in Medieval Studies**. Vol. 21/1. Chicago; Morgantown, WV, 2005.

Bosworth C. E. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000–1217) // **The Cambridge History of Iran**. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / Boyle J. A. (ed.). Cambridge, 1968.

Boyle J. A. Dynastic and Political History of the Il-Khans // **The Cambridge History of Iran**. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / Boyle J. A. (ed.). Cambridge, 1968.

Bretschneider E. **Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources: Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century**. 2 Vols. New York, 1967.

Brincken A.-D. von den. **Die "Nationes Christianorum orientaliu" im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts**. Köln – Wien, 1973.

Burns J. Fullness of Power? Popes, Bishops and the Polity of the Church, 1215–1517 // **The Medieval World** / Linehan P., Nelson J. L. (eds.). London, 2001.

Burns R. I. Christian-Islamic Confrontation in the West: The Thirteenth-Century Dream of Conversion // **The American Historical Review**. Vol. 76/5. Washington – Chicago – London, 1971.

Claverie P.-V. **Honorius III et l'Orient (1216–1227). Étude et publication de sources inédites des Archives vaticanes (ASV)**. Leiden, the Netherlands; Boston, MA, 2013.

Dashdondog B. The Mongol Conquerors in Armenia // **Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit** / Tübach J., Vashalomidze S. G., Zimmer M. (eds.). Wiesbaden, 2012.

Eckhart J. G. von. **Corpus historicum Medii Aevi, sive Scriptores res in orbe universo, praecipue in Germania, a temporibus Maxime Caroli M. Imperatoris usque ad finem seculi post C.N. XV. gestas enarrantes aut illustrantes**. 2 Vols. Lipsiae, 1723.

Ex Chronico Turonensi, auctore anonymo, S. Martini Turon. Canonico // **Recueil des historiens des Gaules et de la France**. T. XVIII. Contenant la seconde livraison des monumens des règnes de Philippe-Auguste et de Louis VIII, depuis l'an MCLXXX jusqu'en MCCXXVII / Brial M.-J.-J., Baquoy P.-Ch., Monsiau N.-A., Arthus-Bertrand C. (eds.). Paris, 1822.

Garufi C. A. (ed.). Rycardi de Sancto Germano notarii Chronica // **Rerum Italicarum Scriptores**. Vol. VII/2. Bologna, 1938.

Geary P. J. (ed.). **Readings in Medieval History**. Peterborough, Ont., 1997.

Giles J. A. **Incerti Scriptoris Narratio de rebus in bello sancto gestis a.D. 1217–1218**. Londini, 1846.

Göckenjan H. Frühe Nachrichten über Zentralasien und die Seidenstrassen in der "Relatio de Davide rege" // **Ural-Altäische Jahrbücher. Internationale Zeitschrift für uralische und altäische Forschung. Neue Folge**. Bd. 8. Wiesbaden, 1988.

Hamilton B. **The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church**. London, 1980.

Hamilton B. Continental Drift: Prester John's Progress through the Indies // **Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes** / Beckingham Ch. F., Hamilton B. (eds.). Aldershot, UK; Burlington, VT, 1996.

Holder-Egger O. Ex Chronico S. Martini Turonensi // **Monumenta Germaniae Historica, Scriptores**. Vol. XXVI. Hannover, 1882.

Hoogeweg H. **Die Schriften des Kölner Domscholasters, späteren Bischofs von Paderborn und Kardinal-Bischofs von S. Sabina, Oliverus**. Tübingen, 1894.

Huygens R. B. C. **Lettres de Jacques de Vitry (1160/1170–1240) évêque de Saint-Jean-d'Acre**. Leiden, the Netherland, 1960.

Jackson P. Prester John Redivivus: A Review Article // **Journal of the Royal Asiatic Society**. Vol. 3. Cambridge, UK, 1997.

Jackson P. Christians, Barbarians and Monsters: The European Discovery of the World beyond Islam // **The Medieval World** / Linehan P., Nelson J.L. (eds.). London, 2001.

Jackson P. **The Mongols and the West, 1221–1410**. Harlow, UK, 2005.

Jacques de Vitry. **Lettres de la Cinquième Croisade, texte latin établi par R. B. C. Huygens** / Duchet-Suchaux G. (ed.). Turnhout, Belgium, 1998.

Jacques de Vitry. **Histoire orientale = Historia Orientalis** / Donnadieu J. (ed.). Turnhout, Belgium, 2008.

Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993.

Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. Indianapolis, 2009.

Larner J. Marco Polo and the Discovery of the World. New Haven – London, 1999.

Lock P. The Routledge Companion to the Crusades. London, 2006.

Luard H. R. Annales monastici. Vol. III. Annales de Prioratus Dunstaplia (1–1297); Annales monasterii de Bermundseia (1042–1432). London, 1866.

Mastnak T. Crusading Peace: Christendom, the Muslim World, and Western Political Order. Berkeley, 2002.

May T. The Mongol Art of War. Chinggis Khan and the Mongol Military System. Yardley, 2007.

Morgan D. O. Prester John and the Mongols // Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes / Beckingham Ch. F., Hamilton B. (eds.). Aldershot, UK; Burlington, VT, 1996.

Pelliot P. Deux passages de Le prophétie de Hannan, fils d'Isaac // Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes / Beckingham Ch. F., Hamilton B. (eds.). Aldershot, UK; Burlington, VT, 1996.

Pertz G. H., Rodenberg K. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae. Bd. I. Berolini, 1873.

Phillips J. R. S. The Medieval Expansion of Europe. Oxford; New York, 1988.

Pogossian Z. Armenians, Mongols and the End of Times: An Overview of 13th century Sources // Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Tübach J., Vashalomidze S. G., Zimmer M. (eds.). Wiesbaden, 2012.

Powell J. A. Anatomy of a Crusade, 1213–1221. Philadelphia, PA, 1986.

Pubblici L. Dal Caucaso al Mar d'Azov. L'impatto dell'invasione mongola in Caucasia fra nomadismo e società sedentaria (1204–1295). Firenze, 2007.

Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khan. London, 1971.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden, the Netherlands, 2004.

Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. 37 Vols. Barri-Ducis, 1864–1883.

Richard J. L'Extrême Orient légendaire au Moyen Âge: Roi David et Prêtre Jean // Annales d'Éthiopie. Vol. 2. Paris, 1957.

Richard J. 1187, point de départ pour une nouvelle forme de la croisade // The Horns of Hattin. Proceedings of the Second Conference of the Society for the Study of the Crusades, Jerusalem-Haifa, 2–6 July 1987 / Kedar B. Z. (ed.). Jerusalem, 1992.

Richard J. Histoire des croisades. Paris, 1996.

Richard J. The Relatio de Davide as a Source for Mongol History and the Legend of Prester John // Prester John, the Mongols, and the Ten Lost Tribes / Beckingham Ch. F., Hamilton B. (eds.). Aldershot, UK; Burlington, VT, 1996.

Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome, 1998.

Richard J. Au-delà de la Perse et de l'Arménie. L'Orient latin et la découverte de l'Asie intérieure. Quelques textes inégalement connus aux origines de l'alliance entre Francs et Mongols, 1145–1262. Turnhout, Belgium, 2005.

Roux J.-P. Histoire de l'empire Mongol. Paris, 1993.

Scheffer-Boichorst P. Chronica Albrici monachi Trium Fontium, a monaco Novi Monasterii Hoiensis interpolata // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Vol. XXIII. Hannover, 1874.

Sinor D. Western Information on the Kitans and Some Related Questions // Journal of the American Oriental Society. Vol. 115/2. New Haven, 1995.

Soranzo G. Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano, 1930.

Southern R. W. Western Views of Islam in the Middle Ages. Cambridge, MA, 1962.

Tvaradze A. Der Westfeldzug von 1219–1221: Die "Mongolenerwartung" im Kreuzfahrerlager von Damiette und im christlichen Kaukasus // Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Tübach J., Vashalomidze S. G., Zimmer M. (eds.). Wiesbaden, 2012.

Tyerman C. What the Crusades meant to Europe // The Medieval World / Linehan P., Nelson J. L. (eds.). London, New York, 2001.

Van Cleve T. C. The Fifth Crusade // **A History of the Crusades**. Vol. II. The Later Crusades, 1189–1311 / Setton K. M., Wolff R. L., Hazard H. W. (eds.). Madison, Wisc., 1969.

Van Cleve T. C. **The Emperor Frederick II of Hohenstaufen: immutator mundi**. Oxford, 1972.

Watt J. A. The Papacy // **The New Cambridge Medieval History**. Vol. V. c.1198–c.1300 / Abulafia D. (ed.). Cambridge, England, 1999.

Wattenbach W. Continuatio Claustroneoburgensis secunda // **Monumenta Germaniae Historica, Scriptores**. Vol. IX. Hannover, 1851.

Whalen B. E. **Dominion of God: Christendom and Apocalypse in the Middle Ages**. Cambridge, MA, 2009.

Zarncke F. Der Priester Johannes // **Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften**. Bd. 8/1. Leipzig, 1876.

Zarncke F. Zur Sage vom Priester Johannes // **Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtekunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters**. Bd. 2. Berlin, 1877.